

Юлия Эллисон

Ледышки для пышки

Эллисон Ю.

Э47 Ледышки для пышки / Юлия Эллисон. – М.: Литнет, 2026. – 328 с.

ISBN 978-5-524-00203-7

Её оружие – шопинг, капризы и идеально подобранные наряды. Её наказание – работа в пыльной канцелярии отца. Лира фон Дарнель, избалованная герцогская дочь, потратила сто тысяч крон на платья и была сослана в «реальный мир» – в тесную комнатуху с двумя молодыми драконами. Алерт из клана Равновесия видит ложь, Бриан из клана Разума читает мысли, и оба считают её пустым местом.

Но когда капризная роза случайно подслушивает их разговор о дворцовой контрабанде и таинственном «господине в сером», игра меняется. Лира решает, что из неё выйдет отличный тайный агент – кто заподозрит сплетницу в новом платье? Пока драконы спорят, кто из них выиграл пари и кому достанется «трофей», ураган по имени Лира готов снести их ледяные сердца, раскрыть заговор и... возможно, выбрать одного. Или обоих.

Смогут ли драконы выжить в водовороте бальных платьев, налоговых отчётов и настоящей магии? И кто кого приручит первым?



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00203-7

© Литнет, 2026

© Эллисон Ю., 2026

Глава первая. В которой отец проявляет неслыханную жестокость

Я стояла перед зеркалом и в который раз оценивала свою внешность, придирчиво рассматривая новое платье. Бледно-голубой шелк облегал мои пышные формы с почтительным изяществом, а серебряная вышивка на лифе мерцала при каждом движении, словно утренняя роса на паутинке.

Платье было безупречно – оно не пыталось меня переделать, не стремилось втиснуть в несвойственные мне рамки стройности, а просто... подчеркивало. Плечи, талию (которая, к моему удовольствию, все же решила обозначить свое присутствие), мягкий изгиб бедер.

Я покрутилась, наблюдая, как ткань шелестит и переливается.

– Нет, эта муфточка определенно никуда не годится! – отвергла еще вчера купленную меховую муфту, капризно скривив губки и носик.

И неважно, что я отвалила за нее целое состояние и едва не подралась с леди Газолой из-за последнего экземпляра норки с перламутровым застежкой. Сегодня она мне разонравилась и точка! Слишком уж она напоминала ошкетинившегося енота.

– Но леди, вы чудесно выглядите, – служанка Элси, тут же подобрала откинутую мной деталь гардероба и отряхнула ее от несуществующей пыли. Ее руки двигались с привычной быстротой. – И вам очень идет этот оттенок! Прямо как небо в ясный день.

– Я и без тебя знаю, что идет, – отмахнулась, рассматривая в зеркале свои шикарные светло-русые волосы, отдающие в легкую рыжину – наследство давно почившей бабушки-фаренгийки. – Мне вообще все идет! Но это не значит, что я должна носить не сочетающиеся вещи! – заявила, снова крутясь перед зеркалом, накинув на плечи меховой плащик из белого песка.

В нем я смотрелась мило и невинно. Как нежная розочка. Коллючая, но очень красивая.

Я, Лира фон Дарнелль, дочь герцога Аларика фон Дарнеля, и привыкла к тому, что мир крутится вокруг меня с той же неумолимой гравитацией, с какой планеты крутятся вокруг солнца. Папочка очень сильно меня любит и балует, и я не вижу причин, чтобы не пользоваться этим. Вот и вчера я в третий раз за эту зиму обновила свой гардероб полностью, решив, что новые модели будут смотреться на моей пышной фигуре всяко лучше, чем прошлые, в которых меня уже видели.

На полу моей будуарной комнаты царил хаос из дорогих тканей: бархат цвета спелой сливы, парча с золотыми нитями, воздушный газ. Элси и еще две девушки-служанки носились, как белки в колесе, то подавая мне очередное творение портного, то подбирая отвергнутые. Я примеряла, отбрасывала, приказывала, капризничала.

Неожиданно где-то внизу, в глубине особняка, раздался знакомый гул, скрип дубовых дверей и оживленные голоса. Знакомый баритон отдавал распоряжения слугам. Сердце радостно встрепенулось, забыв на мгновение про всю шелковую мишуру вокруг.

Папочка наконец вернулся из своей жуткой командировки!

Я тут же бросила все тряпки, не обращая внимания на испуганный вздох Элси, и побежала вниз по лестницам, ощущая, как радость накрывает с головой. Ступеньки скрипели под быстрыми шагами.

– Папочка! – не сбавляя хода, кинулась на шею родителю, едва он успел снять с себя дорожный плащ, от которого пахло зимним ветром и лошадьми.

Он нечасто уезжал, но работа советником при императоре все же иногда требовала поездок. Не тех приятных вояжей в летние резиденции, а настоящих, изматывающих командировок – улаживать споры буйных приграничных баронов, выслушивать жалобы купцов на разбойников, инспектировать армейские гарнизоны, где пахло потом, сталью и недовольством. Это был не мой ухоженный, пах-

нуший книгами и дорогим табаком папа, а Герцог Дарнель, Человек Императора, с холодными глазами и стальной волей. Но сейчас он был дома.

И сейчас он выглядел усталым. На его благородном, с гордым орлиным носом и седыми висками лице, застыла привычная улыбка, но в уголках глаз собралась сеточка новых морщин.

— Лира! — родитель обнял меня крепко, по-настоящему, и на миг я почувствовала себя снова маленькой девочкой, которой все дозволено. Но затем он все же отстранил, держа за плечи, и нахмурился. Морщины на лбу стали глубже. — Мне пришел счет, Лира. Ты потратила сто тысяч крон на платья?!

Я потупилась, тут же понимая, что запахло жареным. Причем не тем аппетитным, что готовят на кухне, а тем, что сулит большие неприятности.

— Я так по тебе скучала! — выдала вместо объяснений, делая глаза больше и влажнее. — Мне было так плохо и скучно без тебя... Грусть просто пожирала меня изнутри, и только новые ткани немного скрашивали тоску!

Но папа не смягчился, хотя всегда после командировок, измотанный и соскучившийся, он обычно долгое время еще позволял мне все, что я захочу, лишь бы слышать мой смех в этих стенах.

— Это не ответ, Лира!

Я скривилась. Мда. Похоже, в этот раз я все же влипла по полной. Но сдаваться рано. Я включила тяжелую артиллерию.

— Ну пап! Мы ведь не разорились, подумаешь, какие-то сто тысяч... — протянула, шаркая носком атласной туфельки по паркету и изображая святую невинность взглядом.

Моя нижняя губа мастерски задрожала, словно я готова разреваться тут же, на месте. Но, заметив, что папа продолжает хмуриться, его брови все так же грозно сведены, я решила идти до конца. Одна, единственная, идеальная слезинка, вымученная годами тренировок, медленно скатилась по моей щеке.

Отец вздохнул. Звук был долгим, усталым и... разочарованным. Его взгляд смягчился, но не стал тем теплым, прощающим сиянием, которое я ожидала. В нем появилась какая-то новая, твердая решимость.

— Лира, что ж с тобой делать-то... — посетовал он, но все же утешать меня не стал, не пригладил волосы и не пообещал новую шкатулку с драгоценностями, как это обычно бывало. — Думаю, я тебя избаловал, — сделал он неожиданный вывод, от которого у меня перехватило дыхание.

Я даже глазами захлопала, не совсем понимая, что он имеет в виду. Избаловал?

Но затем он все же пояснил, и его слова прозвучали как приговор.

— Ты абсолютно не знаешь цены деньгам. И хоть высшее образование в Академии магии ты получила блестяще, но тебе уже двадцать два, Лира. Пора думать о браке и внуках, а не о платьях и прочей ерунде.

Я ошеломленно моргнула. Ничего себе выводы! От «сто тысяч крон» до «пора замуж» — какой головокружительный логический прыжок!

— Но я не хочу замуж! — тут же открестилась, отступая на шаг. — Я против! Вообще-вот-совсем-абсолютно!

Замуж я и правда не хотела. Отчасти потому, что наслаждалась своей свободой, отчасти — потому, что все ждала большой и чистой любви, как в книжках пишут, той, что сносит башни и повергает королей. А не брачного контракта, состряпанного родителем с каким-нибудь равноценным по статусу, но скучным как осенний дождь, герцогом.

— Что ж. Тогда остается только один выход, Лира! — в голосе отца появились те самые повелительные нотки, холодные и не допускающие возражений. Он редко когда говорил со мной подобным тоном, но если уж говорил, то это значило, что решение обсуждению не подлежит. Мне из-за этого же тона пришлось шесть лет отучиться в престижнейшей Академии магии.

«Магия – это основа управления, дочь», – сказал тогда папа. И все.

Я напряглась, всем существом понимая, что сейчас меня ждет что-то совсем, катастрофически неприятное.

– С завтрашнего дня ты выходишь на работу, Лира. Возражения не принимаются. У меня как раз освободилась должность младшего помощника в канцелярии. Будешь сама зарабатывать, познакомишься с реальным миром и начнешь больше ценить деньги, а не тратить их на всякие глупости.

Тишина повисла в холле, густая и звонкая. Даже слуги замерли. Теперь слезы подступили уже самые что ни на есть настоящие, горькие и обидные. Работа? Канцелярия? Это же смерть! Это чернильные пятна, пыльные свитки и скучные старики в мантиях!

– Но папочка! – дрожащим, надтреснутым голосом произнесла, заламывая руки в театральном, но искреннем отчаянии жесте.

– Все, я сказал! – отрезал отец.

Он развернулся и поспешил удалиться к себе в кабинет, оставив меня одну среди мраморных колонн и собственного шока.

Я злобно топнула ногой, и эхо разнеслось по холлу. Ну, папа! Дождался! Хочешь, чтобы твоя розочка познакомилась с реальным миром? Что ж, познакомится. Устрою я тебе и твоей драгоценной канцелярии такое веселье, что вы все еще будете вспоминать мое появление, как нашествие саранчи! Или... или я за неделю стану лучшим помощником в истории Империи, и ты будешь умолять меня остаться! В общем, увидим.

Я гордо вскинула подбородок, смахнула предательскую слезу и пошла наверх, уже строя планы мести. Первым делом нужно взять гардероб для первого рабочего дня.

Глава вторая. В которой капризная роза оказывается среди драконов

Утро. То самое, когда цивилизованные люди сладко посапывают в теплых перинах, а сны еще не успели смениться кошмарами будней. А я стояла у конюшни, страдая от холода и собственной глупости.

Серое, низкое небо сыпало на голову колючую изморось, ветер норовил залезть под плащ и ущипнуть за самые уязвимые места. Я стояла рядом с отцовской каретой, невыспавшаяся и злая, и отчаянно пыталась сохранить остатки величия.

На подбор наряд для «службы» ушло пол-ночи и вся нервная система бедной Элси. Нужно было выглядеть так, чтобы мой вид безмолвно кричал: «Да, я здесь по принуждению, но посмотрите, как элегантно я несу свой крест!». В итоге остановилась на платье из мягчайшей шерсти сибирских барсов цвета зимнего неба – благородно, сдержанно, и тепло (в теории). Поверх – элегантный, но неброский плащ и муфта (не та, что похожа на енота, а другая, из соболят, куда более аристократичная).

Всю ночь я убеждала себя, что работа в императорской канцелярии – это не наказание, а головокружительная карьерная возможность. Мечта любого амбициозного выпускника Академии! Центр всех финансовых и политических интриг империи!

Канцелярские крысы – самые информированные существа после шпионов и попугаев в будуарах фрейлин. Я просто обязана блеснуть! Обязана доказать отцу... В общем, доказать.

Именно поэтому, движимая приступом идиотского рвения, я вышла заранее, чтобы продемонстрировать свою ответственность. И теперь ждала, пока упрямые конюхи впрягут лошадей, чувствуя, как благородная решимость вымораживается из меня вместе с последними остатками тепла.

– Лира?

Я вздрогнула. Отец вышел на крыльцо, закутанный в теплый плащ, и смотрел на меня с неподдельным удивлением.

– Что ты тут делаешь?

Я гордо (насколько это возможно с посиневшим от холода носом) тряхнула головой, отчего с капюшона посыпался иней. Пальцы в тонких перчатках онемели, и я сжала их в кулаки, пытаясь вернуть чувствительность.

– Ты сказал, что я должна работать – я готова, – выдавила сквозь стиснутые зубы, которые так и норовили выдать мелкую дрожь. – Или ты передумал? – бросила ему последний спасательный круг, взгляд полный немой мольбы.

Я, в конце концов, осознавала, что переборщила с тратами. Но мне же было одиноко! Мама, как всегда, сбежала на свои бесконечные курсы дизайна в солнечную Фарейну, оставив дом пустым и безрадостным. А папа вечно в разъездах. Шоппинг был единственным светом в оконце...

Но спасательный круг благополучно проплыл мимо. В глазах отца не дрогнуло ни одной искры снисхождения.

– Нет. Просто думал, что ты будешь ждать внутри дома.

Мда. Гениально, Лира. Просто гениальный стратегический ход. Зачем сидеть у камина, когда можно превратиться в ледяную сосульку с амбициями?

– День сегодня чудесный, – бодро сообщила я, шмыгнув носом, который уже отказывался слушаться. – Хотелось подышать свежим воздухом.

Карета наконец подкатила, и я ввалилась внутрь с грацией обмороженного моржа, но с сохраненным достоинством. О, блаженное тепло! Здесь, среди бархата и тисненой кожи, работали артефакты-обогреватели, щедро излучающие уют. Я уткнулась в муфту, потирая пальцы, которые начинали оттаивать с мучительным, но приятным покалыванием.

– Сегодня слишком холодно, – констатировал папа, заботливо подкинув мне плед из шерсти. Я с благодарностью укутала ноги.

Шерсть барсов хороша, но против стужи, видимо, бессильна. Хорошо быть чистокровным крылатым драконом, говорят, они даже спать на снегу могут и совсем не мерзнут. Жаль, в моем генеалогическом древе не было этих величественных существ.

Дорога заняла не больше получаса. Я выпорхнула из кареты вслед за отцом, снова напустив на себя величественность, и поправила платье. Императорский дворец. Знакомые до боли мраморные полы, позолота, гобелены. Но сегодня я смотрела на это не как гостя, а как... работник. Странное, щекочущее нервы ощущение. Я вобрала его в себя, не позволив и тени неуверенности отразиться на лице. Я все же Лира фон Дарнель! У меня есть диплом (пусть и полученный больше для галочки), и я справлюсь.

Я покажу всем, особенно папе, на что способна!

— Я провожу тебя до кабинета, но вводить в курс дела будут уже на месте, — сказал отец, ведя меня по знакомым, но сегодня каким-то чужим коридорам.

Я кивнула, плотая комок легкого (совсем легкого!) волнения. Вспоминались лекции в Академии по документообороту и основам канцелярской магии. Я слушала их вполуха, считая, что это никогда не коснется блестящей жизни герцогской дочери. Эх, знать бы...

Мы поднялись на третий этаж, в менее парадную, но все еще респектабельную часть дворца. Слуги и чиновники почтительно кланялись отцу и бросали на меня любопытные, оценивающие взгляды. Я парировала их ледяным, безразличным взглядом, от которого, надеюсь, замерзали на лету сплетни.

— Вот и твое место работы, — отец вдруг едва уловимо ухмыльнулся, словно вспомнил приватную шутку, и распахнул дверь.

Я вошла следом — и обомлела.

Кабинет. Это было слишком громко сказано. «Каморка». «Клетушка».

«Отверстие в стене, щедро названное кабинетом».

Она была меньше моего гардероба! И пахла не духами и воском, а старым пергаментом, чернилами и... мужским одеколоном.